

Патрушев Сергей

АРКАНУМ:
ТАЙНА ЗАПЕЧАТАННОЙ ДВЕРИ

Сергей Патрушев

**Арканум. Тайна
запечатанной двери**

«Автор»

2026

Патрушев С.

Арканум. Тайна запечатанной двери / С. Патрушев — «Автор»,
2026

Студентка-иллюзионист Белла и маг тени Артём случайно пробуждают древнее зло в подземельях академии Арканум. Чтобы спасти замок от вируса «Аврора», они заключают сделку с пленными драконами — Лео и Астерией. В ходе ритуала Артём поглощает сущность драконов и сам становится живым фундаментом академии. Когда угроза миновала, Белла и Артём понимают, что стали заложниками собственного спасения. Вместе с новыми друзьями они решают сбежать на край света, пока древний «Глубинный Хор» под землёй не проснулся окончательно.

© Патрушев С., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Первое правило детектива	5
Глава 2. Шёпот запретной двери	11
Глава 3. Команда собирается	20
Глава 4. Ледяной след и Тень сомнения	28
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Сергей Патрушев

Арканум. Тайна запечатанной двери

Глава 1. Первое правило детектива

Запах озона и дешевого растворителя для красок — так пахла осень в общежитии Высшей академии прикладной иллюзии и пространственной механики. Для обычных людей это был просто старый панельный корпус на окраине Москвы, где студенты-художники и архитекторы доживали свои лучшие годы в окружении запаха пельменей и перегоревших чайников. Но для тех, кто умел смотреть сквозь слои реальности, здание напоминало улей, в стенах которого гудела, скручивалась и искрила чужеродная энергия.

Белла стояла в коридоре четвертого этажа, прислонившись спиной к стене, выкрашенной в казенный салатовый цвет. На вид ей было не больше девятнадцати: хрупкая, с копной медных волос, которые она безуспешно пыталась усмирить черной лентой, и в огромных круглых очках, за стеклами которых скрывались глаза цвета старого янтаря. Очки были не для зрения. Они были фильтром. Без них мир вокруг Беллы распадался на первичные иллюзии — дрожащее марево чужих мыслей, остаточные следы заклинаний и тонкие, как паутина, нити пространственных искажений.

Рядом с ней, погрузившись по пояс в самую стену, стоял Артём. Если Белла была светом, то он — абсолютной, бархатной тенью. Высокий, с вечно растрепанными темными волосами, в которых застряли искры статики, он носил только черное. Сейчас его торс и руки казались плоскими, двумерными, словно вырезанными из плотной темноты. Он не проходил сквозь стену в физическом смысле. Он просто договаривался с тенями, и те пропускали его, как вода пропускает камень.

— Третий ящик снизу, — глухо донеслось из штукатурки. Голос Артёма всегда звучал так, будто он говорит из закрытого подвала. — Там бардак. Кто-то копался.

Белла поправила очки. Коридор перед ней заиграл новыми красками. Салатовые стены покрылись сеткой тонких фиолетовых вен — это текла по старым трубам бытовая магия, питающая холодильники. А в районе тумбочки первокурсника Вани Пахомова, того самого, что жил в конце коридора, воздух дрожал иначе. Там висела плотная, липкая взвесь чужого нетерпения.

— Он психует, — шепнула Белла. — И боится. Тёма, он не просто вор. Он что-то ищет.

— Он ищет зачет по начертательной геометрии, который сам же и скоммуниздил у старосты, — фыркнул Артём, выныривая из стены целиком. Темнота с легким хлопком втянулась в его куртку. — Но зачет — это побочный продукт. Вчера у Ли пропал набор редких тушей из суми-э, позавчера у Миланы — серебряный кулон. Все из закрытых тумб. Ключей нет ни у кого, кроме комендантши.

— И комендантши в три часа ночи, — закончила Белла.

Ваня Пахомов был проблемой. Не потому, что он был злым, а потому, что он был посредственностью, дорвавшейся до магии. Слабый дар, нулевая дисциплина и огромное эго. Такие опаснее всего: они не создают новые заклинания, они ломают чужие, пытаясь приспособить их под свои мелкие нужды.

Из-за двери Ваниной комнаты донесся звук передвигаемого пластика.

— Работаем по схеме «А»? — спросил Артём, разминая пальцы. На кончиках его ногтей проступила черная копоть.

— Схема «А» скучная, — Белла достала из кармана толстовки маленький латунный компас. Стрелка на нем бешено вращалась, игнорируя магнитные полюса, и указывала на дверь. — Я хочу попробовать «Слепую зону».

Артём посмотрел на нее с плохо скрываемым восхищением и еще более плохо скрываемым ужасом.

— Белл, «Слепая зона» — это четвертый курс. Если ты ошибешься в векторе хотя бы на градус, мы сами забудем, как дышать.

— Я не ошибусь, — она открыла дверь компаса. Внутри, вместо магнитной стрелки, билась живая капля ртути. — Ты просто стоишь за дверью. Если услышишь, что я падаю — втаскивай меня за шиворот.

Она не стала дожидаться ответа. Иллюзионисты — народ нервный и быстрый.

Белла вошла в комнату.

Ваня Пахомов сидел на корточках перед выдвинутым ящиком чужой тумбочки. В руках он держал чужую записную книжку в кожаном переплете. При звуке открывшейся двери он вздрогнул так, что чуть не проглотил свой собственный нос.

— Ой, — пискнул он. — Белла? Ты чего? Я... я просто...

Он попытался сунуть книжку за пазуху, но запутался в собственной толстовке. Ваня всегда был нелепым.

Белла не стала включать свет. Она щелкнула пальцами левой руки.

Это не был громкий, театральный щелчок боевого мага, от которого сыплются искры. Это был сухой, почти неслышимый звук ломающейся веточки.

В ту же секунду реальность в комнате начала истончаться.

Для Вани ничего не изменилось. Он по-прежнему видел свою комнату, свои плакаты с аниме на стенах, разбросанные по полу носки и Беллу, стоящую в дверях. Его мозг, не обремененный излишней рефлексией, просто отметил факт: его застали на месте преступления. Паника ударила ему в голову, адреналин запросил бежать или драться. Он выбрал бежать.

Ваня рванул к окну. Третий этаж — не высота для мага, можно спрыгнуть на козырек, а оттуда в кусты.

Он сделал шаг, второй, замахнулся, чтобы распахнуть створки... и его нога провалилась в пустоту.

Ваня взвизгнул. Он стоял на полу. На твердом, скрипучем паркете. Но когда он посмотрел вниз, паркета не было. Там была бездонная, черная шахта лифта, уходящая в бесконечность. Из шахты тянуло ледяным сквозняком и пахло мокрой землей.

Ваня отшатнулся, упал на пятую точку и пополз обратно к двери.

— Помогите! — заорал он. — Кто-нибудь! Я падаю!

Белла стояла, не шелохнувшись. Очки на ее носу тускло светились. Она не создавала мираж. Настоящая иллюзия высокого класса — это не картинка. Это кража контекста.

Она взяла за основу реальный дверной проем и «размазала» его свойства по всей комнате. Теперь для любого, кто находился внутри, пол перестал быть полом. Он стал тем, чего человек боится больше всего. Для Вани, выросшего в панельке на окраине, это была открытая шахта лифта. Если бы на его месте стоял Артём, он бы увидел первозданный хаос, пожирающий пространство. Если бы зашла комендантша, она бы увидела налоговую инспекцию.

Белла медленно пошла к центру комнаты. Ваня скулил в углу, вжавшись в иллюзию стены, которая для него сейчас была раскаленной печью.

— Отдай книжку, Ваня, — тихо сказала Белла. Ее голос звучал не в ушах, а прямо внутри черепной коробки первокурсника. — И мы сделаем вид, что ты просто лунатил.

— Я не... я не брал! — прохрипел он, протягивая дрожащую руку. — На, подавись!

Записная книжка пролетела по воздуху и упала к ногам Беллы. Как только она коснулась паркета, иллюзия шахты дрогнула. Ваня почувствовал, что твердая поверхность снова под ним. Он судорожно вздохнул, хватая ртом воздух, словно выброшенная на берег рыба.

— Ты ищешь не то, — Белла подняла книжку. Это был личный дневник старосты третьего курса, мастера големотехники. — Големы не крадут серебряные кулоны. И туши им тоже без надобности.

— Я не знаю! — Ваня размазывал слезы по щекам. Его била крупная дрожь. — Мне сказали... сказали, что там есть схема обхода защиты библиотеки! Мне нужен был доступ к закрытому фонду! У меня хвосты! Меня отчислят!

— Кто сказал? — Белла наклонилась.

— Я не знаю его имени! — взвизгнул Ваня. — В сети! На форуме «Серые схемы»! Он написал мне в личку! Сказал, что в дневнике старосты есть слепок его ключа, если разобрать корешок! Я просто хотел сдать сессию!

Белла выпрямилась. Форум «Серые схемы» был клоакой. Местом, где сбывали краденые амулеты, нелегальные накопители и услуги по взлому чужих разумов. Это уже не уровень мелкого воришки. Это уровень организованной дыры в безопасности Академии.

— Тёма, — позвала она, не оборачиваясь. — Зови комендантшу. И безопасников. Пусть забирают.

— С удовольствием, — тень Артёма отделилась от косяка двери, обретая объем. Он подошел к Ване, который все еще сидел на полу, и просто указал на него пальцем. Из пола вытянулись два гибких, черных жгута, мягко, но неумолимо обвинили первокурсника за руки и ноги, превратив его в кокон. — Ползи, ошибка природы. Твой дар — это оскорбление для самой магии.

Ваню, плачущего и брыкающегося в теневых путах, потащило в коридор.

Белла осталась одна. Она подошла к окну, открыла его и глубоко вдохнула холодный ночной воздух. Иллюзия пустой комнаты требовала колоссальной концентрации. Сейчас, когда адреналин спадал, ее начало мелко трясти. В ушах стоял тихий звон.

Артём подошел сзади и накинул ей на плечи свою куртку. Кожаная ткань еще хранила холод тени, но под ней было живое, успокаивающее тепло.

— Ты светишься, — сказал он ей на ухо. — Вся. Как перегоревшая лампочка. Если бы ты продержалась еще минуту, твой мозг бы вскипел, Белл.

— Зато сработало, — она прислонилась затылком к его плечу. — Мы поймали вора.

— Мы поймали идиота, — Артём забрал у нее латунный компас и убрал в ее же карман. — А тот, кто стоит за «Серыми схемами», только что получил сигнал, что в общежитии завелась ищейка.

Белла повернулась к нему. В полумраке коридора ее янтарные глаза казались почти черными.

— Пусть знает, — она забрала у него свою куртку, но запах его парфюма — озон и старая бумага — остался на ее свитере. — Тём, дневник...

— Я его не брал, — сразу понял он. — Он твой. Ты его вскрыла, тебе и разбираться.

Они вернулись в комнату Беллы и Артёма. Точнее, в комнату Беллы, где Артём жил на полулегальном положении уже полгода, потому что его собственная, в крыле боевых магов, взорвалась после неудачного эксперимента с призывом низшего демона пространства. Комендантша делала вид, что не замечает двух кроватей в одной девичьей комнате, потому что Артём чинил ей проводку одним щелчком пальцев.

Их комната была полной противоположностью казенному коридору. Здесь пахло сандалом, озоном и крепким кофе. На стенах висели схемы сложных пространственных узлов, поверх которых кто-то небрежно наклеил постер с котом, висящим на канате («Hang in there»).

На столе стояли два монитора: один обычный, для учебы, второй — старый, выпуклый, подключенный к самопальному серверу, который гудел под столом.

Белла села на кровать, поджав ноги, и положила дневник старосты на колени. Артём щелкнул выключателем настольной лампы. Желтый свет упал на кожаный переплет.

— Корешок уже надрезан, — заметила Белла. — Он действительно пытался его вскрыть. Топорно.

— Давай я, — Артём сел рядом. Его пальцы, длинные и бледные, коснулись кожи.

В отличие от Беллы, чья магия работала с восприятием, магия Артёма была тактильной. Он чувствовал структуру вещей. Для него любой замок был просто сложным узлом из вероятностей.

Он надавил на определенную точку в надрезе. Раздался тихий щелчок, и дно корешка отошло, как крышка шкатулки. Внутри, между форзацем и первым листом, лежал тончайший лист слюды. На нем, светясь тусклым синим светом, был вытатуирован сложный геометрический узор.

— Слепок ключа, — выдохнул Артём. — Но не физического. Это пропуск в Архив. Векторный пропуск. Он игнорирует пространственные якоря. С такой штукой можно войти в закрытую секцию прямо из стены туалета.

— Ваня хотел сдать хвосты, — медленно проговорила Белла, глядя на светящуюся слюду. — Ему бы хватило и копии конспектов. Зачем лезть в Архив? Там хранятся только завершённые, стабильные проекты. Теория.

— Теория, которая может стать оружием, — Артём осторожно, двумя пальцами, извлек лист. — Или те, кто стоит за ним, ищут не оружие.

Он положил слюду на стол, накрыл ее пустым стаканом, чтобы не светила, и посмотрел на Беллу.

— Что ты видела, когда сканировала коридор? Перед тем как мы вошли.

Белла сняла очки и устало потерла переносицу. Без фильтров комната стала четкой, пугающе материальной.

— Липкую нить, — сказала она. — Она тянулась от Вани... нет, не от него. Она тянулась к нему. Как к марионетке. Кто-то дергал его за ниточки, Тём. Он не врал, когда говорил, что ему велели. Он просто транслировал чужой приказ. Ваня слишком туп, чтобы придумать схему с корешком.

Артём нахмурился. Его тень за спиной стала гуще, почти осязаемой.

— Внушение? Менталист?

— Слишком чисто для менталиста. Менталисты оставляют шрамы в ауре, я бы увидела. Это было... программирование. Как у голема. Ему дали цель, дали инструмент и спустили с поводка.

Артём встал и прошелся по комнате. Три шага вперед, три назад. Так он думал.

— Первое правило детектива, Белл, — сказал он, остановившись у окна и глядя на огни ночной Москвы. — Никогда не бери в расчет мотивы того, кого поймал. Воришка всегда глуп и предсказуем. Его задача — отвлечь внимание.

— Пока настоящий игрок делает свой ход, — закончила Белла. Она тоже подошла к окну.

Академия раскинулась внизу, спящая. Главный корпус с его готическими шпилями, полигон, мерцающий защитным куполом, и темная громада Библиотеки, похожая на спящего зверя. Где-то там, в ее недрах, в закрытом Архиве, лежало то, ради чего сегодня сломали жизнь Ване Пахомову.

— Мы влезает в это, — тихо сказала Белла. — Мы ведь даже не знаем, во что именно.

— Мы знаем, что кто-то начал охоту в нашем доме, — голос Артёма стал жестким, в нем прорезались стальные нотки, которых он обычно стеснялся. — Они используют первокурсни-

ков как пушечное мясо. Они лезут в Архив. И они думают, что мы — просто перепуганная девчонка-иллюзионист и ее ручной теневой пес.

Он повернулся к ней. В желтом свете лампы его лицо казалось выточенным из камня.

— Пусть думают.

Белла посмотрела на него, потом на стакан, накрывающий светящуюся слюду. Страх, который сковывал ее с момента активации «Слепой зоны», окончательно испарился. На его место пришло холодное, звенящее чувство правильности происходящего. Вся ее жизнь до Академии казалась теперь блеклой, двумерной картинкой. Здесь же, в этом запахе озона и старых книг, пульсировала настоящая магия. Опасная, грязная, но настоящая.

— Что будем делать с Ваней? — спросила она. — Если безопасники начнут его крутить по-серьезному, он сдаст своего «работодателя» через пять минут.

— Он его не знает, — покачал головой Артём. — Он знает только ник в сети. «Мистер Икс» или что-то столь же оригинальное. Мы сделаем иначе.

Он подошел к своему столу, открыл нижний ящик и достал оттуда моток черной изоляции и старый кнопочный телефон без камеры.

— Мы вернем ему дневник.

Белла моргнула.

— Что?

— Завтра утром, — Артём начал методично обматывать телефон изоляцией, превращая его в неубиваемый черный кирпич. — Ты пойдешь к комендантше и скажешь, что Ваня во всем признался, раскаялся, и вы с ребятами решили не ломать парню жизнь. Общественность давит, студенческая солидарность, все такое. Потребуешь вернуть ему личные вещи до прихода безопасников.

— А дневник?

— А дневник, — Артём положил на стол перед Беллой пустой кожаный переплет, — мы набьем ватой. А вот сюда, — он постучал ногтем по пустому месту в корешке, — мы положим нашу визитную карточку.

Он достал из кармана джинсов маленькую флешку. Обычную, пластиковую, купленную в переходе за сто рублей.

— Здесь пусто, — пояснил он. — Но если ее вставить в комп, она спалит материнскую плату и отправит зашифрованный пакет данных на мой сервер. Если наш таинственный кукловод решит проверить, что за дурак попался в его сети, и заберет флешку...

— Мы увидим, откуда пришел запрос, — глаза Беллы загорелись азартом. — Тём, это же классическая ловушка с приманкой.

— Это первый шаг, — он закончил обматывать телефон и протянул его Белле. — Завтра ты будешь играть роль доброй самаритянки. Убедительно. Чтобы Ваня поверил, что пронесло. А я... я буду слушать эфир. Кукловод обязательно дернет за ниточки снова. Ему нужен тот ключ.

Белла взяла телефон. Он был тяжелым и холодным.

— А если он поймет, что мы его ведем?

— Значит, мы недооценили противника, — пожал плечами Артём. — Но я так не думаю. Тот, кто работает через таких идиотов, как Ваня, сам недалеко от него ушел в плане осторожности. Он жадный. А жадные всегда клюют на блеск.

Он кивнул на светящийся под стаканом пропуск.

Белла подошла к своему столу, включила ноутбук и открыла чистый файл.

— Досье, — сказала она. — Нам нужно досье. Начать стоит с форума «Серые схемы». У тебя же есть туда доступ?

— У меня есть доступ везде, где есть тень, — усмехнулся Артём, но его глаза оставались серьезными. — А доступ в Архив... Белл, если мы попадемся там с этим слепком, нас не просто отчислят. Нас разберут на реагенты.

— Первое правило детектива, — она начала быстро печатать, создавая защищенную папку. — Никогда не работать в одиночку.

Артём подошел сзади и положил руки ей на плечи. Это был не жест флирта. Это была точка опоры. Для мага тени, привыкшего к холоду пустоты, тепло человеческого тела было якорем, не дающим раствориться в собственном даре. Для Беллы его прикосновение было щитом, за которым можно было не бояться сжечь свой мозг очередной иллюзией.

— В одиночку скучно, — пробормотал он, утыкаясь носом в ее макушку. — К тому же, кто-то должен тебя ловить, когда ты падаешь.

— Я не упаду, — уверенно сказала Белла, не отрывая взгляда от монитора.

Она чувствовала, как комната вокруг них начинает меняться. Это не было магией. Это было решение. Стены их маленькой комнаты только что перестали быть просто местом, где они спят. Они стали штабом.

Внизу, в общежитии, плакал отчисленный Ваня Пахомов. Где-то в сети сидел анонимный кукловод, уверенный в своей безнаказанности. А в закрытом Архиве Академии спала тайна, ради которой все это затевалось.

Белла сохранила файл под названием «Проект: Эхо» и закрыла ноутбук.

— Завтра идем к комендантше, — сказала она. — И не забудь положить вату в дневник. Ваня не должен заметить разницы в весе, когда будет биться в истерику от счастья.

Артём хмыкнул и щелкнул выключателем. Комната погрузилась в полумрак, освещаемый только тусклым синим бликом из-под стакана на столе.

Магия была не в заклинаниях. Она была в умении видеть связи там, где остальные видят лишь случайности. Белла улыбнулась в темноте. Игра началась.

Глава 2. Шёпот запретной двери

Старый корпус академии пах пылью, застарелой меланхолией и озоном. В отличие от новых, сияющих стеклом и хромом башен факультета пространственной механики, это крыло застыло в начале двадцатого века. Высокие потолки с облупившейся лепниной, дубовые панели, которые помнили еще имперских министров просвещения, и окна, в которые едва проникал серый ноябрьский свет.

Здесь располагались хозяйственные службы, архив ненужных чертежей и владения госпожи Клавдии — женщины, которая, по слухам, помнила еще основание академии и питалась исключительно растворимым кофе и чужой безалаберностью.

Белла стояла на шаткой стремянке, пытаясь снять с шестиметровой высоты паутину, в которой запутался чей-то забытый чертеж антигравитационного моста. В руках она сжимала швабру, обмотанную влажной тряпкой. Это было ее наказание. Официально — «отработка за нарушение комендантского часа» после ночного допроса Вани Пахомова. Неофициально — повод для госпожи Клавдии заставить «эту выскочку с филологического» поработать руками.

— Выше тyani, Бэлочка, — проскрипел голос снизу. — Там, в углу, прямо над лепниной. Там вековая грязь, ее только святой водой мазать.

Госпожа Клавдия сидела на перевернутом ведре, закутанная в шерстяную шаль, и бдительно следила за каждым движением студентки.

— Я Белла, — в сотый раз поправила она, упираясь шваброй в потолок. — И я иллюзионист, а не клининговая служба.

— Иллюзион твой сейчас — это чистая лестница, — отрезала Клавдия. — А будешь дерзить, отправлю в котельную. Там такие иллюзии по трубам ползают, что ты со своей шваброй запоешь.

Белла вздохнула, закусив губу. Мышцы спины ныли. Очки-фильтры она оставила в комнате, и теперь мир казался плоским, скучным и раздражающе материальным. Единственное, что спасало — это присутствие Артёма.

Он не должен был здесь находиться. Но Артём, в отличие от Беллы, умел договариваться не только с теньями, но и с бюрократией. Он просто «забыл» выйти из тени под лестницей, когда Клавдия запирала подсобку на ночь. Теперь он сидел на корточках в самом темном углу, прислонившись спиной к радиатору, и делал вид, что является частью интерьера. На нем была та же черная куртка, капюшон накинут на голову. Для обычного взгляда он был просто густым, плотным пятном тени.

— Левее, — прошелестел его голос прямо в голове Беллы. — Там стык панелей. Видишь, как свет не ложится?

Белла прищурилась. Артём был прав. В углу, где сходились дубовая панель и каменная кладка, свет от ее налобного фонаря вел себя странно. Он не отражался, а словно проваливался вглубь.

— Клавдия, — окликнула Белла, не оборачиваясь. — А что за этой стеной?

— Стена и есть, — буркнула комендантша. — Капитальная. Туда даже крысы не лезут, боятся.

Белла надавила шваброй на стык. Панель не поддалась, но издала глухой, полый звук. Не звук дерева или камня. Звук пустоты.

— Там полость, — снова возник в голове голос Артёма. — Глубокая. И пахнет оттуда... старой кровью и озоном.

Белла знала этот запах. Так пахло от самого Артёма, когда он возвращался из глубоких слоев тени, где реальность истончалась до состояния папиросной бумаги.

— Госпожа Клавдия, — Белла приняла самый невинный вид, на который была способна, стоя на стремянке с грязной шваброй. — У меня курсовая по истории архитектуры. Говорят, в старом крыле есть замурованные проходы. Это правда?

Клавдия посмотрела на нее поверх очков. Ее взгляд был тяжелым, как могильная плита.

— Замурованные, деточка, не просто так, — сказала она. — В сорок шестом, когда академию только восстанавливали после эвакуации, тут один доцент-практик решил призвать элменталья прямо в подвале. Стяжку перекрытий выгнуло дугой. Три этажа ушли под землю. С тех пор ту секцию опечатали. Руническим замком. И ключ сожгли. Так что ты давай, паутину свою снимай и не лезь, куда не просят.

Как только Клавдия отвернулась, чтобы отхлебнуть остывший кофе из термоса, Артём отделился от стены. Он не встал в полный рост. Он просто перетек по полу, как разлитое масло, и оказался у стыка панелей.

Белла спустилась со стремянки.

— Рунический замок, — прошептала она, глядя на стену. — Клавдия сказала, его нельзя открыть.

— Клавдия — уборщица, а не маг, — Артём провел пальцами по стыку. — Руны — это математика. А любую математику можно взломать, если знать переменные.

Он прижал ладонь к камню. Его рука по локоть ушла в стену, став абсолютно плоской, двумерной. Белла видела, как по граниту побежала рябь, словно по воде. Артём «слушал» стену.

— Толщина — полтора метра, — сообщил он, выдергивая руку обратно. Камень зашипел, принимая нормальную форму. — Внутри пустота. Комната. Примерно пять на пять. И там что-то есть. Что-то живое. Оно... дышит. Очень медленно.

— Дышит? — переспросила Белла. — Архив спит. А это... это ждет.

— Именно, — Артём снял капюшон. Его глаза в полумраке подсобки казались провалами в бездну. — Белл, я могу пройти.

— Барьер?

— Пробую.

Он снова шагнул к стене, но на этот раз не стал касаться ее. Он просто закрыл глаза и начал растворяться. Процесс перехода в тень всегда выглядел жутковато: сначала исчезали контуры, потом цвет, потом объем. Через три секунды на том месте, где стоял Артём, осталась только лужа густой, непроглядной черноты на полу.

Белла затаила дыхание.

Тень скользнула по плинтусу, обогнула ножку стремянки и устремилась к стыку панелей. Она достигла камня и попыталась просочиться в микротрещину.

В ту же секунду раздался звук, от которого у Беллы заложило уши.

Это не был крик. Это был звук рвущегося пространства. Воздух в подсобке мгновенно похолодел так, что дыхание превратилось в пар. Лампочка на потолке лопнула, осыпав их стеклянной крошкой. Швабра в руках Беллы вспыхнула неестественным фиолетовым пламенем и тут же погасла, оставив после себя запах жженой резины.

Тень Артёма с влажным, чавкающим звуком выплонуло из стены. Его тело материализовалось в воздухе в полуметре от пола и рухнуло на каменные плиты.

— Тёма! — Белла бросилась к нему, поскользнувшись на мокрой тряпке.

Он лежал на спине, тяжело дыша. Его куртка дымилась по краям. На левой скуле, там, где кожа не была защищена тенью, проступил страшный, черный ожог в форме трех пересекающихся рун.

— Что это было? — Белла упала на колени, срывая с себя шарф, чтобы стереть коготь с его лица.

— Барьер, — прохрипел Артём. Он с трудом сфокусировал на ней взгляд. — Не физический. Он... когерентный. Как лезвие. Я вошел в тень, а стена... она не пропустила меня. Она меня *пересчитала*. Изменила мою фазу на противоположную.

— Тебя чуть не разорвало на атомы, — Белла осторожно коснулась ожога. Руны на его коже медленно тускнели, уходя вглубь.

— Почти, — он сел, опираясь на стену. Его трясло. — Я никогда такого не встречал. Стандартные охранные плетения просто не пускают. А это... это меняет саму структуру входящего. Если бы я прошел насквозь, я бы вышел с другой стороны вывернутым наизнанку.

Белла посмотрела на стену. Теперь, зная, что там, она чувствовала это и без очков. От стыка панелей исходила едва уловимая вибрация, от которой ныли зубы. Это была не просто защита. Это была тюрьма.

— Мы должны знать, что там, — сказал Артём, прочитав ее мысли. Он поднялся на ноги, пошатываясь. — Тот, кто это охраняет, не просто так сжег ключ.

— После того, что случилось с доцентом в сорок шестом? — Белла поежилась. — Тём, там, скорее всего, сидит голодный хаос. Или первородный элементаль, который три четверти века жрал камень.

— Или там лежит то, ради чего взломали Архив, — жестко ответил он. — Ваня был наживкой. Дешевой, глупой наживкой. А это, — он кивнул на стену, — настоящий сейф. И наш таинственный «Мистер Икс» из «Серых схем» уже знает, что мы клюнули. Он видел, как мы взяли дневник. Он ждет, когда мы сунемся в Архив с его фальшивым пропуском.

— Ты хочешь сказать, он специально слил нам информацию о Ване, чтобы мы, почувствовав вкус крови, полезли напролом? — догадалась Белла.

— Именно. Классическая многоходовка. Он думает, что мы — самоуверенные студенты. Что мы решим, будто взломали гениальный план. А на самом деле он просто открывает перед нами дверь, за которой стоит капкан.

Артём подошел к стене и снова прижал к ней ладонь, на этот раз осторожно, едва касаясь.

— Но капкан не сработает, если мы не сунем в него голову, — тихо произнес он. — Этот барьер... он потребляет колоссальную энергию. Академия не может питать его вечно. Где-то здесь должен быть конвертер. Сердце замка.

Он закрыл глаза, погружаясь в магическое зрение. Белла знала этот его отсутствующий вид. Сейчас его сознание блуждало в капиллярах каменной кладки, в сплетениях силовых кабелей, замурованных в бетон еще при Сталине.

— Есть, — выдохнул он через минуту. — Под нами. На уровне минус два. Старый гальванический элемент. Ртутный. Антиквариат. Он почти сдох, но его хватает, чтобы поддерживать руны в активном состоянии. Если мы...

Его прервал звук тяжелых, шаркающих шагов.

В коридоре, со стороны лестницы, вспыхнул свет мощного фонаря. Луч резанул по подсобке, заставив обоих зажмуриться.

— Эт-то еще что такое? — прогремел голос госпожи Клавдии. — Почему темно? Почему гарью воняет?

Артём и Белла переглянулись. У них было меньше секунды.

— Твоя тень, — одними губами сказала Белла.

Артём кивнул. Он схватил Беллу за руку, и мир на мгновение исчез.

Это не было перемещением. Это было стирание. Для Клавдии, вышедшей в коридор с фонарем, подсобка просто осталась пустой. Темной, пыльной и скучной. Белла стояла в самом темном углу, сливаясь с тенями стеллажей. Артём стал частью плинтуса. Их дыхание, их сердцебиение, их магический фон — все это Клавдия просто не зафиксировала. Мозг пожилой женщины, натренированный десятилетиями борьбы со студентами, отфильтровал их как «несущественный визуальный шум».

— Мыши, наверное, провода грызут, — проворчала Клавдия, поводя лучом фонаря по стенам. — Завтра плотника вызову. А вы, двое, чего встали? А ну, марш работать!

Она ткнула фонарем в двух первокурсников с тряпками, которые действительно стояли в другом конце коридора. Клавдия прошаркала мимо, ворча под нос что-то про современную молодежь и падение нравов.

Как только звук ее шагов затих на лестнице, давление на плечи Беллы исчезло. Артём снова обрел плотность, выходя из плинтуса. Он выглядел бледным. Ожог на щеке налился чернотой.

— Ртутный элемент, — напомнил он, возвращаясь к прерванной мысли. — Если мы сольем из него остаток энергии, барьер упадет. Примерно на три минуты.

— Три минуты? — Белла покачала головой. — За три минуты мы даже дверь не вскроем. Там же плиты по полметра.

— Вскрывать не будем, — Артём хищно улыбнулся, и в этой улыбке не было ничего человеческого. — Мы войдем. Но не через дверь.

Ночью, когда госпожа Клавдия заперла главный вход в старое крыло и удалилась в свою каптерку смотреть сериал на допотопном планшете, они вернулись.

На этот раз без швабр. Артём нес с собой моток альпинистской веревки, стальные карабины и тяжелый свинцовый груз. Белла сжимала в кармане свой латунный компас.

Они спустились в подвал.

Под академией раскинулась настоящая сеть катакомб. Старые ливневки, дореволюционные ледники, бомбоубежища и технические коллекторы. Здесь пахло сыростью, канализацией и вечностью. Свет налобных фонарей выхватывал из темноты покрытые слизью кирпичные своды.

— Минус два, — Артём сверился с чертежом канализации, который он «позаимствовал» из кабинета проректора по хозяйственной части. — Гальваническая. Должна быть за поворотом.

Они свернули в узкий лаз. Белла, из-за своего роста, постоянно задевала макушкой трубы, с которых капала ледяная вода.

— Я не понимаю, — прошептала она, перешагивая через ручей нечистот. — Зачем охранять старый подвал такой мощью? Если там что-то ценное, почему не перенести это в новый Архив? Там защита на три порядка выше.

— Потому что то, что там лежит, нельзя перемещать, — ответил Артём. — Пространственные маяки на нем не работают. Попробуй телепортировать кусок сингулярности — получишь черную дыру в лаборатории. А еще... иногда вещи прячут не для того, чтобы их не украли. А для того, чтобы они не выбрались.

Они вышли в круглый зал. В центре него, в глубокой бетонной чаше, покоилось нечто, похожее на гигантский, раздувшийся свиной пузырь из мутного стекла. От него к стенам тянулись толстые медные шины, покрытые зеленой патиной. Внутри пузыря лениво переливалась тяжелая, серебристая жидкость.

— Ртуть, — констатировала Белла. — Целая тонна.

— И она живая, — добавил Артём. — Смотри.

На поверхности ртутного озера медленно формировался узор. Те же самые три пересекающиеся руны, что обожгли щеку Артёма у двери. Они вспыхивали тусклым светом и снова растворялись в жидком металле.

— Сердце замка, — прошептал Артём. — Оно бьется.

Он подошел к краю чаши. Провода, идущие от нее, уходили вертикально вверх. Белла проследила за ними взглядом. Они проходили сквозь потолок, сквозь этажи, прямо к тому самому стыку панелей в подсобке.

— Если мы просто перережем шину, — сказала Белла, — барьер не упадет. Он сдетонирует. Руны замкнут цепь на себя, и от старого крыла останется кратер.

— Я не буду резать, — Артём опустился на колени у чаши. — Я буду пить.

— Что?

— Энергию. Ртуть — идеальный проводник. Но она отдает ток неохотно. Ей нужен... резонанс.

Артём снял перчатку. Он протянул руку над чашей, не касаясь поверхности.

— Белл, отойди за колонну. И если я начну превращаться в лужу — не пытайся меня собрать. Просто беги.

Он закрыл глаза.

Тьма вокруг него сгустилась, становясь почти осязаемой. Она потянулась к чаше, обволакивая мутное стекло. Ртуть внутри пузыря заволновалась. Руны начали вспыхивать чаще, их свет стал агрессивным, пульсирующим.

Белла сжала кулаки за колонной. Она видела магию крови, магию огня, пространственные разрывы. Но сейчас Артём делал нечто иное. Он не брал силу. Он *уговаривал* ее. Его сознание, холодное и пустое, как космос, входило в резонанс с тяжелым, инертным металлом.

— Тихо, — прошепел его голос, отражаясь от сводов подвала сразу со всех сторон. — Спать. Тебе пора спать. Навсегда.

Ртуть в чаше дрогнула. По ее поверхности пошла рябь, потом волны. А затем жидкость начала стремительно убывать. Она не испарялась. Она втягивалась в тень Артёма.

Его силуэт, и без того темный, стал абсолютным провалом в реальности. Он впитывал тонны тяжелого металла, как губка впитывает воду. Белла чувствовала, как падает давление. Воздух в подвале стал разреженным, как на вершине Эвереста.

Внезапно гул, шедший от стен, оборвался.

С резким, сухим треском, похожим на ломающийся сухарь, медные шины, идущие к потолку, лопнули. Осколки бетона посыпались на пол.

Артём отдернул руку. Он тяжело дышал, его кожа посерела, под глазами залегли глубокие черные тени. На полу перед ним не осталось ни капли ртути. Чаша была абсолютно сухой и белой, словно ее выжгло изнутри.

— Готово, — прохрипел он. — На три минуты. Потом резервные генераторы академии дадут импульс, и барьер встанет намертво. Лет на пятьдесят.

— У нас нет трех минут, — Белла уже была рядом, подхватывая его под локоть. — У нас есть полторы, пока импульс идет по кабелям.

Они бросились обратно по коридору. Подъем по лестнице на первый этаж занял у них, казалось, вечность. Артём едва переставлял ноги, опираясь на плечо Беллы. Выкачанная энергия тяжелым свинцом лежала в его мышцах.

Они влетели в коридор старого крыла. Дверь в подсобку была приоткрыта.

— Клавдия... — начала Белла.

— Плевать, — отрезал Артём.

Он оттолкнул ее и шагнул к стене.

— Отойди, — бросил он.

Белла послушно метнулась в сторону.

Артём не стал входить в тень. Он просто ударил по стене раскрытой ладонью.

Это не был удар силы. Это был удар пустоты.

Из его руки вырвался не сгусток энергии, а конус абсолютного, бархатного мрака. Тьма ударила в стык панелей. Раздался звук, с которым бритва режет шелк.

Камень не взорвался. Он просто перестал существовать на участке два на два метра. Обнажилась идеально гладкая, оплавленная поверхность. А за ней — тьма.

Барьер пал.

— Время, — бросил Артём, шагая в пролом.

Белла шагнула следом, на ходу активируя свои очки. Мир снова расслоился.

Комната за стеной оказалась не камерой пыток и не лабораторией безумного ученого. Это был кабинет.

Старинный дубовый стол, покрытый слоем пыли в палец толщиной. Кожаное кресло. Книжные шкафы, забитые фолиантами, от которых веяло такой древней, спящей силой, что у Беллы заныли зубы. На полу лежал персидский ковер, тоже серый от пыли.

Но главным здесь было не это.

В центре комнаты, прямо под их ногами, в полу была врезана еще одна дверь. Массивная, стальная, без единой ручки или скважины. Она была заподлицо с паркетом, и если бы не руны, светящиеся по ее периметру тем же мертвенным светом, что и на стене, они бы прошли мимо.

— Это лифт, — прошептала Белла, опускаясь на корточки. — Он уходит глубоко вниз.

— В самое сердце, — Артём подошел к столу. Он провел пальцем по столешнице, рисуя в пыли линию. — Здесь давно никого не было.

— Но барьер был активен, — возразила Белла. — Кто-то питал его все эти годы.

— Автоматика, — Артём выдвинул ящик стола. Пусто. Второй — тоже. — Или тот, кто приходит не через дверь.

Он подошел к книжному шкафу. Провел рукой по корешкам. Книги были настоящими. Никаких иллюзий. «Основы некромантии», «Трактат о первородном огне», «Записки из Бездны».

— Тём, — голос Беллы дрогнул. — Посмотри на ковер.

Артём обернулся.

Белла стояла в центре комнаты, глядя себе под ноги. Она сняла очки, и теперь ее янтарные глаза смотрели прямо на реальность.

Пыль. На столе была пыль. На книгах — пыль. На кресле — толстый, нетронутый слой.

А на ковре, прямо перед стальной дверью в полу, пыли не было. Точнее, она была примята. Свежий, четкий след подошвы. Размер сорок третий. Рисунок протектора — стандартный армейский ботинок.

— Кто-то был здесь, — прошептала Белла. — Сегодня. Или вчера.

— Он не входил через стену, — Артём вернулся к ней, его лицо снова стало жестким. — Барьер бы его убил. Он вошел через пол.

— Лифт?

— Лифт заблокирован этими рунами, — Артём указал на дверь. — Чтобы его вызвать, нужно снять питание с барьера. А барьер мы сняли только что.

Они переглянулись.

— Ловушка? — спросила Белла.

— Слишком сложная, — Артём покачал головой. — Если бы он хотел нас убить, он бы просто обрушил потолок в подсобке. Нет, Белл. Он хотел, чтобы мы вошли. Он ждал, пока мы сами снимем первый замок.

— Значит, внизу нас встретят с распростертыми объятиями, — Белла поежилась, обхватывая себя руками.

— Или с распростертыми клешнями, — Артём подошел к двери в полу. — Три минуты почти вышли. Сейчас резервные линии дадут ток.

Он опустился на одно колено перед рунами.

— Что ты делаешь? — спросила Белла.

— Оставляю ответный подарок, — его пальцы замелькали в воздухе, чертя в пыли новые символы поверх старых. — Если наш друг внизу решит снова активировать барьер, пока мы будем в шахте... нас размажет по стенам. А так... я меняю полярность. Теперь, когда ток пой-

дет, руны не закроют дверь. Они ее *откроют*. Навсегда. И выжгут все, что находится в этой комнате, дотла.

— Тём, это же...

— Это наш единственный шанс узнать, что на дне, — он поднялся. — И скажи спасибо, что я не ставлю таймер на обратный отсчет. У нас есть время, пока импульс дойдет. Минуты две.

Он подошел к краю шахты. Там, куда не доставал свет фонарей, была абсолютная, непроглядная чернота. Ни звука, ни сквозняка. Просто пустота.

— Я пойду первым, — сказал Артём, обматывая руку веревкой. — Спускаюсь на пару метров. Если там чисто — брошу тебе конец.

— Я не пущу тебя одного, — Белла вцепилась в его куртку.

— Белл, если там внизу что-то вырвется, я смогу уйти в тень. Ты — нет. Твоя магия требует пространства и света. В тесной шахте ты — просто мишень.

— Тогда иди, — она отпустила его, стараясь не показать, как дрожит ее голос. — Но если ты не ответишь через десять секунд, я взорву этот подвал к чертовой матери. У меня в кармане три боевых артефакта с прошлого семестра.

Артём усмехнулся уголком рта.

— Я знаю. Потому и люблю тебя.

Он шагнул в шахту и исчез. Только капля, сорвавшаяся с потолка, ударила о металл где-то в бесконечной глубине.

Прошло пять секунд. Десять.

Белла начала считать про себя. Тикали невидимые часы, отсчитывая время до прихода смертельного импульса из гальванической.

— Веревка дергается, — глухо донеслось из темноты. — Чисто. Спускайся.

Белла выдохнула, туго затянула лямки своего рюкзачка и обвязала веревку вокруг пояса. Она шагнула в пролом.

Ноги не нашли опоры. Она повисла в пустоте. Сердце пропустило удар, желудок подскочил к горлу. Иллюзионисты боятся не замкнутых пространств. Они боятся потери контроля над гравитацией.

— Дыши, — голос Артёма снизу был для нее маяком. — Я держу.

Она начала спускаться. Руки быстро замерзли на ледяной веревке. Стены шахты были гладкими, металлическими. Лифт. Глубокий, очень глубокий лифт.

Она спустилась метров на десять, когда сверху раздался тихий, нарастающий гул.

По краям пролома в потолке, там, где они вошли, побежали синие искры. Руны в комнате наверху вспыхнули ослепительным светом.

— Тём! — крикнула Белла. — Импульс пошел!

— Знаю! — отозвался он. — Еще немного!

Внезапно веревка в ее руках дернулась так, что Белла чуть не сорвалась.

— Тём?!

— Я в порядке! — его голос стал напряженным. — Здесь... здесь дверь. Еще одна. В стене шахты. Она открывается.

Белла посмотрела вниз, освещая фонарем пространство под собой. Метровая стальная плита, о существовании которой они даже не подозревали, медленно отъезжала в сторону, утопая в стене. Из-за нее потянуло ледяным ветром и запахом озона, в котором теперь отчетливо чувствовалась примесь озона, горелой плоти и чего-то сладковатого, тошнотворного. Запах разложения древней, запретной магии.

— Тём, не заходи туда! — закричала Белла, перебирая руками быстрее. — Это...

Ее прервал звук, от которого кровь застыла в жилах.

Из открывшегося проема донесся не рык, не крик. Это был смех. Тихий, сухой, старческий смех, который не мог принадлежать человеку.

— Какая... пунктуальность, — проскрипел голос, перекрывая гул сработавшего наверху барьера. — Я уж думал, вы никогда не разберетесь с ртутным сердцем. Думал, совсем студенты обленились.

Белла наконец прыгнула с веревки на металлический пол, оказавшись рядом с Артёмом. Он стоял в боевой стойке, его руки были объаты черным пламенем, а тень за его спиной выросла до размеров небольшого здания, готовая поглотить любого, кто выйдет из двери.

Проем в стене шахты был полностью открыт. За ним находился ярко освещенный белым люминесцентным светом коридор.

В дверях стоял старик.

Он был одет в идеально выглаженный лабораторный халат, из-под которого виднелись начищенные до блеска туфли. В руках он держал фарфоровую чашку, от которой шел пар. У него было лицо доброго дедушки — морщинки у глаз, аккуратная седая борода. И абсолютно пустые, выжженные до дна белые глаза без зрачков.

— Добро пожаловать, — сказал старик, делая глоток из чашки. — В Нижний Архив. Вы как раз вовремя. Чай как раз заварился. А то у нас тут, знаете ли, вечность. Скучно.

Он отступил в сторону, жестом приглашая их войти.

— Кто ты? — хрипло спросил Артём, не опуская рук.

— Я? — старик улыбнулся, и эта улыбка обнажила слишком много зубов. — Я — Хранитель. А вы, дети мои, — те самые идиоты, которые только что отключили систему охлаждения моего дома.

Внезапно по стенам шахты, по всему огромному стволу лифта, прошла вибрация. Гул наверху сменился воем сирены.

— Ой-ой, — протянул Хранитель, глядя слепыми глазами в потолок. — Вы поменяли полярность рун. Как неосторожно. Теперь, когда импульс дошел, барьер не закрылся. Он... дестабилизировался.

Белла подняла голову. Пролом, через который они спустились, начал меняться. Края его поплыли, как воск. Пространство там скручивалось в тугую узел.

— Он пожирает комнату наверху, — прошептала Белла. — Он будет расти.

— Именно, — радостно кивнул Хранитель. — И когда он дойдет до фундамента академии... скажем так, новый корпус общежития строить уже не придется. Будет отличный котлован.

— Зачем ты это делаешь? — Белла сделала шаг назад, вглубь коридора, куда не доставал свет из шахты.

— Я? — старик допил чай и аккуратно поставил чашку на пол. — Я ничего не делаю. Я просто спал. Триста лет. А вы, взломщики, разбудили и меня, и *это*.

Он кивнул в темноту коридора за своей спиной.

Белла включила фонарь на полную мощность и направила луч во тьму.

Свет выхватил из мрака бесконечные ряды стеклянных колб. Тысячи. Десятки тысяч. В каждой из них, в мутной жидкости, висел человек. Или то, что когда-то было человеком. Их глаза были открыты, рты застыли в беззвучном крике.

А в самой дальней колбе, в той, что была в два раза больше остальных, плавало существо, лишь отдаленно напоминающее гуманоида. У него была серая, полупрозрачная кожа, сквозь которую виднелась работа шестеренок и светящихся трубок. А вместо головы...

Вместо головы у него был идеальный, пульсирующий кристалл, внутри которого билась живая, заточенная молния.

— Что это? — выдохнула Белла.

— Это, моя милая иллюзионистка, — спокойно ответил слепой Хранитель, — ваш новый учебный план. Проект «Аврора». Первая и единственная попытка академии создать бога.

Сверху, из пролома, донесся звук лопающегося стекла. Комната в старом крыле перестала существовать. Барьер, лишенный вектора, схлопнулся сам в себя, высвободив энергию, эквивалентную небольшому ядерному заряду.

Ударная волна настигла их спустя секунду.

Воздух в шахте ударил с силой парового молота. Веревка, на которой они спустились, лопнула, как гнилая нитка.

Беллу и Артёма швырнуло вглубь коридора, прямо в ряды стеклянных саркофагов.

Мир утонул в грохоте, скрежете ломающегося металла и звоне бьющегося стекла.

Когда пыль начала оседать, Хранитель, стоявший в дверях и даже не покачнувшийся от взрыва, удовлетворенно кивнул.

— Ну вот, — сказал он в наступившей оглушительной тишине. — А теперь, когда вы привлекли всеобщее внимание, давайте поговорим о вашей курсовой. У меня есть пара замечаний по оформлению библиографии.

Глава 3. Команда собирается

Тишина в кабинете ректора была густой, как застывший янтарь, и такой же тяжелой. Она пахла старым деревом, дорогим табаком и неминуемым отчислением.

Прошло двенадцать часов с тех пор, как ударная волна от схлопнувшегося барьера вынесла окна в старом крыле, обрушила часть кровли в главном холле и заставила защитный купол академии вспыхнуть на полнеба ядовито-зеленым светом.

Белла сидела на краешке кожаного кресла, которое стоило больше, чем ее родительская квартира в Саратове. Ее руки мелко дрожали. На скуле наливался багровым синяк — результат близкого знакомства с падающим куском лепнины. Артём стоял у окна, скрестив руки на груди. На его лице не было ни царапины, но его тень за спиной была рваной, истерзанной, она постоянно пыталась оторваться от хозяина и уползти под массивный стол ректора.

Напротив них, в огромном кресле с высокой спинкой, утопал Архимагистр Воронин. Человек, чье имя произносили шепотом. Человек, который лично курировал проект «Аврора» триста лет назад, пока не сошел с ума и не был отстранен. Сейчас он выглядел пугающе здоровым для своих лет. Его глаза, лишённые белков — сплошной, переливающийся перламутр — смотрели на студентов без злобы, с каким-то академическим, холодным интересом.

— Вы сорвали мне утренний совет попечителей, — произнес Воронин. Его голос был лишен интонаций, словно говорил не человек, а идеально настроенный динамик. — Господин Ли из Триады пригрозил отозвать финансирование, потому что решил, что на академию напал дракон. Пришлось показывать ему записи с камер, где вы, господин ди Фальконе, пытаетесь выпить ртутный гальванический элемент весом в две тонны.

Артём не шелохнулся.

— Барьер был нестабилен, — ровно сказал он. — Мы предотвратили неконтролируемый выброс.

— Вы спровоцировали контролируемый, — Воронин сцепил пальцы в замок. — Вы спустились в Нижний Архив. Вы разбудили Хранителя. Вы чуть не инициировали самоподрыв реактора класса «Омега». Поздравляю, студенты. Вы только что сдали выпускной экзамен по выживанию экстерном. И провалили его.

— Мы не знали, что там реактор, — подала голос Белла. Ее горло пересохло. — Мы думали, там тайник. Или...

— Или очередной схрон с запрещенными гримуарами, которые вы собирались выгодно продать? — Воронин позволил себе тень улыбки. — Бросьте, Белла. Я читал ваше личное дело. Девочка из провинции, съевшая собаку на оптических иллюзиях, чтобы получить стипендию. И вы, Артём. Сын опального герцога, чья тень едва не поглотила половину фамильного замка. Вы оба — хищники. Вы чувствуете силу. И вы полезли за ней, наплевав на все протоколы безопасности.

— Если бы вы сами запечатали эту дверь как следует, мы бы туда не полезли, — огрызнулся Артём.

В воздухе кабинета потемнело. Тень мага вытянулась по дубовому паркету, дотянувшись до ботинок ректора.

Воронин не испугался. Он щелкнул пальцами.

С потолка сорвалась капля чистого света и упала прямо на тень Артёма. Тень зашипела, как раскаленное железо, брошенное в воду. Она втянулась обратно под ноги хозяина, оставив на паркете выжженное черное пятно.

— Это был урок, — спокойно сказал Воронин. — Первый и последний. Вы сунули голову в пасть тигру. Вам повезло, что тигр оказался старым, беззубым и страдающим ревматизмом. Хранитель — это не страж. Это сторож. Его задача — не убивать, а просто сидеть в будке и

лаять, если кто-то трогает забор. Настоящая защита Нижнего Архива — это то, что вы едва не уничтожили.

— Проект «Аврора», — прошептала Белла.

— Именно, — ректор откинулся в кресле. — Попытка создать идеальный сосуд. Человека, в которого можно было бы заключить чистую, необузданную стихию. Проект закрыли. Сосуд законсервировали. А Хранителя оставили... развлекаться. Триста лет одиночества делают с людьми странные вещи. Он просто хотел поговорить. А вы привели в действие протокол аварийного сброса давления.

Воронин подался вперед. Его перламутровые глаза впились в Беллу.

— Теперь к делу. Официально — вас отчисляют. Вы сорвали учебный процесс, нанесли ущерб казне в размере годового бюджета факультета боевой магии и нарушили Акт о неразглашении государственной тайны.

Белла сглотнула. Вся ее борьба, бессонные ночи, иллюзии, которые она плела до кровавых кругов перед глазами — все это сейчас должно было превратиться в пыль.

— Неофициально, — продолжил Воронин, — вы единственные студенты за последние пятьдесят лет, которые прошли инициацию Нижнего Архива и остались в здравом уме. Вы видели «Аврору». Вы знаете, что печать на его колбе истончается. И вы знаете, что тот, кто прислал вам фальшивый пропуск в Архив через «Серые схемы», тоже об этом знает.

Артём медленно повернул голову.

— Вы хотите, чтобы мы нашли кукловода?

— Я хочу, чтобы вы не сдохли в процессе, — отрезал ректор. — Я аннулирую приказ об отчислении. Вы переводитесь на закрытый факультет. Специализация: «Внекатегорийные угрозы». С этого момента вы находитесь под круглосуточным наблюдением службы безопасности. Любой ваш шаг фиксируется.

— То есть мы под арестом, — констатировал Артём.

— То есть вы — наживка, — улыбнулся Воронин. — Но наживка с острыми зубами. Идите. У вас первая пара. Артефакторика. И молитесь, чтобы профессор Штейн не заметил вашего отсутствия на утренней переключке.

Аудитория 404 на кафедре высшей артефакторики пахла канифолью, озоном и застарелым отчаянием. Профессор Штейн, высохший старик с руками, покрытыми ожогами от жидкого металла, ходил между рядами, постукивая серебряной тростью по кафелю.

— Запомните, — его голос скрипел, как несмазанная шестеренка. — Артефакт — это не батарейка. Это компромисс. Вы берете дикую, хаотичную силу и втискиваете ее в рамки геометрии. Чем сложнее форма, тем стабильнее поток. Но любая форма — это тюрьма. Рано или поздно любая тюрьма хочет, чтобы ее открыли.

Белла сидела за последней партой, механически вычерчивая в тетради схему многовекторного накопителя. Рядом, с абсолютно прямой спиной, сидел Артём. Он спал. По крайней мере, так казалось со стороны. Его глаза были закрыты, дыхание ровное. Но Белла знала: он сейчас стоит на страже их теневого канала связи, который они протянули между собой под носом у ректора.

«Он нас убьет, — прошелестел в голове Беллы голос Артёма. — Когда все закончится, Воронин нас распылит на молекулы, чтобы мы не болтали».

«Если мы доживем до этого "потом"», — мысленно ответила она, не отрывая взгляда от доски.

Дверь аудитории со скрипом отворилась.

Профессор Штейн прервал лекцию на полуслове и направил на вошедшего трость, как боевое копьё.

— Опоздание на двадцать минут, — проскрипел он. — Причина?

Вошедший студент не выглядел извиняющимся. Он был высоким, болезненно худым, с кожей цвета старой слоновой кости и волосами цвета расплавленного серебра. Одет он был в безупречно скроенный костюм-тройку, который в аудитории, полной людей в мятых толстовках, смотрелся как инородный предмет.

— Прошу прощения, профессор, — голос у студента был бархатным, с легкой, почти неуловимой хрипотцой. — Меня задержали на внеочередном допросе в кабинете ректора. По делу о разрушении старого крыла.

В аудитории повисла мертвая тишина. Штейн медленно опустил трость. Его глаза за стеклами очков в золотой оправе загорелись жадным интересом.

— Фамилия?

— Кириан. Просто Кириан.

— Садитесь, Кириан, — Штейн взмахнул рукой, и ближайший к Белле пустой стул сам отъехал от парты, приглашая гостя. — И в следующий раз, когда вас будут пытаться в застенках ректората, будьте добры, пришлите весточку. Я начну лекцию на пять минут позже.

По рядам прошелестели смешки. Кириан едва заметно, кончиками губ, улыбнулся. Он прошел к парте Беллы и Артёма. Свободных мест больше не было.

— Не помешаю? — спросил он, опускаясь на стул рядом с Беллой.

От него пахло озоном, дорогим парфюмом с нотами озерной воды и чем-то неуловимо металлическим. Белла, даже без очков, видела, как вокруг него дрожит воздух. Это была не просто аура. Это была многослойная иллюзия высшего порядка. Он не просто скрывал себя — он постоянно переписывал то, как его воспринимали окружающие. Для Штейна он был прилежным учеником. Для хихикающих девушек на первом ряду — загадочным красавцем.

— Вы Белла, — это был не вопрос. Кириан положил на парту холщовую сумку, из которой торчали странные инструменты, похожие на смесь хирургических скальпелей и ювелирных резцов. — И вы — Артём. Тень. Я чувствую холод.

Артём открыл один глаз. Черный, без белка.

— А я чувствую наглость, — сказал он. — Кто слил тебе информацию?

— Никто, — Кириан поправил манжету. — Я был там же, где и вы. Только чуть глубже. В секторе «Б». Искал стабилизатор для своего курсового проекта. Когда сработал протокол «Омега», меня просто вышвырнуло системой экстренной эвакуации в фонтан перед главным корпусом. Мокрого и очень злого.

Белла замерила резцом линию на медной пластине.

— Сектор «Б»? — переспросила она. — Там же хранятся нестабильные матрицы.

— Я знаю, — Кириан достал из сумки предмет, завернутый в бархат. — Именно поэтому меня и не отчислили. Воронин считает, что я — единственный, кто может удержать мой проект от превращения академии в новый кратер.

Он развернул бархат. На свету блеснул кристалл размером с кулак, внутри которого билась, запертая в стекло, миниатюрная шаровая молния.

— «Сердце Бури», — выдохнула Белла. — Но это же миф. Для его удержания нужна идеальная сфера из цельного адамантина.

— Или девятислойная иллюзия плотности, наложенная на обычное кварцевое стекло, — Кириан постучал ногтем по кристаллу. — Главное — не форма, а то, во что верит энергия.

Он посмотрел на схему в тетради Беллы.

— Вы пытаетесь стабилизировать поток через геометрию, — он ткнул серебряной ручкой в ее чертеж. — Это ошибка. Геометрия статична. Поток — нет. Вам нужен морф. Иллюзия, которая меняется вместе с потоком.

Белла прищурилась.

— Ты предлагаешь мне наложить динамическую иллюзию на физический объект? Это сожжет матрицу. Резонанс разорвет медь.

— Если делать это грубо, — согласился Кириан. — Позвольте?

Он не стал ждать разрешения. Его рука, холодная как лед, накрыла руку Беллы, державшую резец.

— Смотри не глазами, — прошептал он. — Смотри резонансом.

Белла закрыла глаза. Она привыкла видеть иллюзии как внешнюю оболочку. Но Кириан показал ей иное. Он не создавал картинку. Он заставил саму медную пластину *поверить*, что она — это жидкое серебро.

Медь на столе пошла рябью. Линии чертежа, которые вычерчивала Белла, начали сами собой выравниваться, становясь идеальными дугами. Пластина начала петь — низким, чистым тоном, настраиваясь на частоту «Сердца Бури», лежащего рядом.

— Видишь? — прошептал Кириан прямо ей на ухо. — Ты не обманываешь артефакт. Ты поешь ему колыбельную.

Пластина замерла. Схема была закончена. Идеально. Так, как Белла не смогла бы сделать и за неделю работы.

Кириан убрал руку. Иллюзия спала, но структура металла изменилась на молекулярном уровне.

— Спасибо, — выдохнула Белла, открывая глаза.

— Всегда пожалуйста, — он откинулся на спинку стула. — У меня к вам предложение. Воронин посадил нас в одну лодку. Вас — потому что вы идиоты, действующие напролом. Меня — потому что я слишком умный и слишком опасный. Он будет следить за каждым нашим чихом. Но если мы объединим ресурсы...

— Мы все равно останемся идиотами, только в большем составе, — подал голос Артём. Он сел прямо, его глаза снова стали человеческими, но смотрели холодно. — Зачем тебе это?

— Потому что тот, кто заманил вас в Нижний Архив, — Кириан понизил голос до шепота, — не просто искал ключ. Он искал способ снять печать с «Авроры». А мой проект... «Сердце Бури» — это единственный в академии источник энергии, способный пробить внешнюю оболочку саркофага. Я не хочу, чтобы какой-то аноним с форума «Серые схемы» использовал мою курсовую работу для освобождения древнего оружия.

Артём долго смотрел на Кириана. Затем медленно кивнул.

— Первое правило детектива, — сказал он. — Доверяй только тому, кому выгодна твоя победа. Нам выгодно.

— Отлично, — Кириан улыбнулся. — В таком случае, нам нужен свет.

Элара сидела на ступенях главной лестницы академии, скрестив ноги в позе лотоса. Вокруг нее, вопреки законам физики и здравому смыслу, шел снег.

Это были не настоящие снежинки. Они состояли из чистого света. Они падали медленно, кружились в восходящих потоках тепла от радиаторов и таяли, не долетая до земли, превращаясь в облачка золотистой пыли.

Студенты обходили ее по широкой дуге. Элара была местной достопримечательностью и, по совместительству, главной головной болью деканата. Маг света. Не тот, что пускает зайчиков и лечит царапины. Ее свет был жестким, рентгеновским, вскрывающим.

Белла и Артём подошли к ней одновременно с разных сторон. Кириан остался стоять у подножия лестницы, наблюдая.

— Ты нарушаешь технику безопасности, — сказал Артём, останавливаясь в трех шагах от границы снежной бури. — Твои фотоны прошибают защитные экраны телефонов. Вчера у декана взорвался планшет, когда ты медитировала в коридоре.

— Декан слишком много врет, — не открывая глаз, ответила Элара. Ее голос был тихим, но звучал так, словно она кричала в рупор. — Свет не любит лжи.

Она открыла глаза.

Элара была похожа на античную статую, изваянную из лунного камня. Белые, почти седые волосы, фарфоровая кожа и глаза цвета расплавленного золота. Она не моргала.

— Я знала, что вы придете, — сказала она. — Вы пахнете пылью мертвецов и озоном страха.

— Мы пахнем подземельем, — Белла шагнула вперед. Светящиеся снежинки, коснувшись ее щеки, не обожгли, а приятно охладили кожу. — Элара, нам нужна твоя помощь.

— Всем нужна моя помощь, — Элара подняла руку. Снег вокруг нее прекратился. — Но я больше не работаю на деканат. И я не ищу приключений. Я ищу покой.

— Это не приключение, — Артём вышел из-за спины Беллы. Его тень легла на ступени, и светящиеся снежинки Элара в ужасе отпрянули от нее, погаснув. — Это катастрофа. Нижний Архив. Проект «Аврора». Печать истончается.

Элара моргнула. Впервые за все время. Ее золотые глаза потемнели, в них мелькнуло узнавание, а затем — глухая, застарелая боль.

— «Аврора», — повторила она. — Я видела чертежи. Мой отец работал над системой линз для саркофага. Он ослеп, когда один из прототипов дал блик.

— Твой отец — профессор Лоран? — догадалась Белла.

— Был, — Элара встала. Теперь она казалась выше, ее фигура излучала едва сдерживаемую мощь. — Вы разбудили Хранителя.

— Мы взорвали его гальваническую батарею, — уточнил Артём. — И чуть не погибли в шахте лифта.

— Вы идиоты, — Элара сделала шаг к ним. — Вы понятия не имеете, с чем играете. «Аврора» — это не оружие. Это болезнь. Вирус, который переписывает саму ткань реальности. Если печать падет, академия не просто взорвется. Она *никогда не существовала*. Мы все будем стерты.

— Поэтому нам нужен самый сильный маг света в академии, чтобы найти трещины в печати, — вмешался Кириан, поднимаясь по ступеням. — И самый стабильный источник энергии, чтобы их залатать.

Элара перевела свой пылающий взгляд на Кириана.

— «Сердце Бури», — констатировала она. — Я чувствую его дрожь. Ты не контролируешь его, мальчик. Он контролирует тебя.

— Мы контролируем друг друга, — парировал Кириан. — Это называется симбиоз.

— Это называется глупость, — Элара вздохнула. На ее ладони вспыхнул маленький, размером с горошину, шар света. Она подбросила его. Шар завис в воздухе. — Хорошо. Я пойду с вами. Но у меня есть условие.

— Какое? — хором спросили Белла и Артём.

— Никаких больше подвалов, — твердо сказала Элара. — Никаких «Серых схем», взломов и взрывов. Мы идем к проблеме сверху. Через науку. Через протокол. Если вы еще раз сунетесь в Нижний Архив без меня, я выжгу вам сетчатку. Свет не знает пощады.

— Договорились, — Артём протянул руку.

Элара посмотрела на его ладонь, потом на его лицо. Она вложила свою руку в его. Ее прикосновение было прохладным, как мрамор.

В ту же секунду тень Артёма, которая до этого настороженно клубилась у его ног, потянулась к Эларе. Она попыталась обвить ее лодыжку, поглотить этот раздражающий, чистый свет.

Элара даже не посмотрела вниз. Она просто позволила своему золотому свету течь по венам. Тень Артёма, коснувшись ее кожи, зашипела и отдернулась, словно обожглась о солнце. Она спряталась под каблуками ботинок мага, обиженно поджав края.

— Приручите свою собаку, Артём, — ровно сказала Элара, высвобождая руку. — Она невоспитанная.

Кириан тихо рассмеялся.

— Добро пожаловать в команду, светлая леди.

Их первый «штаб» располагался не в подземелье, а в самом светлом месте академии — в оранжерее на крыше северного корпуса. Здесь, среди влажных листьев монстер и цветущих орхидей, Воронин вряд ли поставил бы жучки. Растения плохо переносили инквизиторскую магию ректора.

Они сидели на перевернутых кадках. Между ними на ящике из-под удобрений лежала голографическая проекция нижнего уровня академии, которую транслировал Кириан с помощью своего «Сердца Бури».

— Итак, — Кириан запустил пальцы в свои серебряные волосы. — Что мы имеем. Кукловод, назовем его «Мистер Икс», хочет освободить «Аврору». Но он не может сделать это сам. Печать требует ключа, которого не существует в физическом мире. Это математическая константа.

— Которую мы чуть не обрушили, — буркнул Артём, поглаживая свою куртку, на которой до сих пор виднелась сажа.

— Именно, — кивнул Кириан. — Взрыв барьера был не случайностью. Это была проверка. Икс хотел узнать, достаточно ли мы... инициативны. И мы прошли тест. Теперь он начнет фазу два.

— Какую? — спросила Белла, обрывая засохший лист папоротника.

— Он даст нам настоящую зацепку, — сказал Кириан. — Таковую, от которой мы не сможем отказаться. Он подставит кого-то. Или что-то украдет. Что-то, что напрямую связано с математикой печати.

— Нам нужен список всех, кто имеет доступ к теории «Авроры», — Элара стояла, скрестив руки, ее свет почти слился с солнечными бликами в оранжерее. — Это закрытая информация. Даже я знаю только то, что рассказывал отец.

— У меня есть доступ к серверам библиотеки, — Артём достал из внутреннего кармана свой неубиваемый кнопочный телефон. — Не официально. Но если я подключусь к старой подстанции в западном крыле, я смогу обойти файрвол ректората.

— Я могу отвлечь охрану, — Белла посмотрела на свои ладони. — Создать иллюзию утечки газа на другом конце кампуса. Или массовую галлюцинацию танцующих пингвинов.

— Никаких пингвинов, — отрезала Элара. — Мы действуем чисто.

— Чисто не получится, — подал голос Кириан. Он смотрел на проекцию саркофага «Авроры». — Чтобы понять, как Икс собирается взломать печать, нам нужно знать саму печать. Элара, ты можешь светить так, чтобы видеть структуру заклинаний?

— Я могу видеть атомы, — спокойно ответила она. — Но печать «Авроры» — это не просто руны. Это живой организм. Она растет.

— Значит, нам нужен образец, — Кириан щелкнул пальцами. — Белла. Твой компас. Тот, с ртутью.

Белла похолодела.

— Он остался в комнате.

— Нет, — Артём покачал головой. — Я переложил его. После того как нас чуть не распылило, я не доверяю ящикам стола. Он в моем тайнике. В тени под памятником основателю. Никто, кроме меня, туда не залезет.

— Сходи за ним, — Кириан снова повернулся к проекции. — А мы пока подготовим матрицу для сканирования. Нам нужно будет наложить световую решетку Элара на твой компас, Белла. Если ртуть реагирует на искажения пространства, а свет их подсвечивает...

— Мы получим карту невидимого, — закончила Белла.

Артём поднялся.

— Я быстро, — он шагнул в тень кадки с пальмой и исчез.

Кириан проводил его взглядом, а затем повернулся к Эларе.

— Скажи, светлая леди, — его голос стал вкрадчивым. — Когда ты смотришь на меня... что ты видишь?

Элара повернула к нему свое совершенное лицо. Ее золотые глаза, казалось, смотрели не на него, а сквозь него, в самую суть.

— Я вижу бурю, запертую в стекле, Кириан, — сказала она. — И трещину. Она начинается у тебя в левом виске и идет вниз, к сердцу. Твой морфинг... ты прячешься не от ректора. Ты прячешься от самого себя.

Кириан улыбнулся, но в этот раз в его улыбке не было веселья. Только бесконечная, звенящая усталость.

— А я, когда смотрю на тебя, — тихо сказал он, — вижу пустоту. Там, где должна быть семья. Ты ищешь смерти, Элара. Ты пришла с нами не ради спасения академии. Ты пришла, потому что если мир исчезнет, то и боль исчезнет вместе с ним.

Элара не отвела взгляд. Вокруг ее фигуры на мгновение вспыхнул ореол такой яркости, что Кириан был вынужден прикрыть лицо рукой.

— Не путай жажду смерти с отсутствием страха перед ней, — произнесла она. — А теперь помолчи. Мне нужно рассчитать угол преломления для твоего кристалла. Если мы ошибемся хотя бы на градус, твой «Сердце Бури» решит, что оранжерея — отличное место для рождения нового солнца.

Белла сидела между ними, слушая их пикировку, и впервые за эти сумасшедшие сутки почувствовала себя в безопасности. Не потому, что стены были толстыми. А потому, что теперь она была не одна. Рядом был Артём, чья тьма могла спрятать их от всего мира. Был Кириан, чей ум был острее любого клинка. И была Элара, чей свет мог выжечь любую ложь.

Они были оружием. Каждый — своим. И Воронин совершил главную ошибку. Он собрал их в одной клетке, надеясь контролировать.

Белла посмотрела на свои руки, покрытые грязью и следами копоти, и позволила себе едва заметную улыбку.

Игра перешла на новый уровень.

Артём вынырнул из тени памятника так же бесшумно, как и ушел. В руках он держал латунный компас. Стрелка внутри него вращалась с бешеной скоростью, реагируя на близость «Сердца Бури».

— Принес, — он бросил компас Белле.

Она поймала его. Металл был теплым.

— Что будем делать с Хранителем? — спросил Артём, возвращаясь на свою кадку. — Он все еще там. Сидит и пьет свой чай.

— Игнорировать, — ответил Кириан, активируя проекцию. — Пока он не лезет к саркофагу, он — не наша проблема. Наша проблема — математика.

— Первое правило детектива, — вдруг сказала Белла, сжимая компас.

Все посмотрели на нее.

— Вор не всегда тот, кто украл, — продолжила она, глядя куда-то сквозь голограмму академии. — Иногда вор — это тот, кто оставил дверь открытой. Воронин знал, что мы полезем. Он знал, что Икс нас ведет. Он просто хотел, чтобы мы спустились и посмотрели.

— Посмотрели на что? — нахмурился Артём.

— На «Аврору», — Белла подняла взгляд на друзей. — Воронин не боится, что печать падет. Он боится, что мы не успеем ее удержать. Икс — это не враг извне. Икс — это кто-то здесь. Внутри академии. Кто-то, кто хочет, чтобы мы нашли «Аврору» первыми.

В оранжерее повисла тяжелая тишина, прерываемая только шелестом листьев и далеким гулом города.

— Значит, — медленно произнес Кириан, — мы ищем не просто взломщика. Мы ищем того, кто играет за обе стороны доски.

— И у него есть доступ к ректорскому сейфу, — добавил Артём.

Элара подошла к Белле и протянула руку.

— Дай компас, — сказала она. — Пора начинать работу. У нас очень мало времени. Кто бы ни был этот Икс, он не любит ждать.

Белла вложила латунный кругляш в ее ладонь. Золотые глаза Элара вспыхнули, отражая свет солнца и тусклое мерцание ртутной стрелки.

Охота началась.

Глава 4. Ледяной след и Тень сомнения

Академия никогда не спала по-настоящему. Даже в три часа ночи, когда луна заливала серебром крыши корпусов, а защитное поле над полигоном пульсировало в такт сонному дыханию тысяч студентов, жизнь просто уходила в подполье. Она текла по вентиляционным шахтам, пряталась в отблесках дежурного освещения на кафеле столовых и оседала инеем на окнах лабораторий криомантии.

Именно в лабораторию криомантии, в сектор «Гамма», где температура никогда не поднималась выше минус тридцати, Артём и Белла пришли за Селестой.

Селеста ди Вельтор не была похожа на мага льда. В ней не было ничего ломкого, прозрачного или хрупкого. Она была плотной, основательной, как айсберг, девять десятых которого скрыты под водой. Белла знала ее со вступительных экзаменов: Селеста была единственной, кто сдал термодинамику с закрытыми глазами, попутно заморозив неисправный коллоквиатор до состояния абсолютного нуля.

Сейчас Селеста сидела посреди ледяного ада, который сама же и создала. На ней был лишь легкий лабораторный халат поверх тонкого свитера. Ее пальцы, длинные и сильные, танцевали в воздухе, и из них вытягивались нити жидкого азота. Она плела. Не боевое заклинание, а сложную геометрическую фигуру — фрактал, внутри которого медленно вращалась идеальная снежинка размером с тарелку.

— Она нас не видит, — прошептала Белла, стуча зубами. Очки-фильтры здесь покрывались густым инеем, и ей пришлось их снять. Мир вокруг сразу стал размытым, но хотя бы перестал резать глаза холодом. — Она в потоке.

— Она в стазисе, — поправил Артём. Он стоял в тени у входа, и его черная куртка покрывалась слоем серебристой изморози. — Для нее время течет иначе. Если я выдерну ее сейчас, у нее случится температурный шок. Подождем.

Они ждали десять минут. За это время Артём успел раствориться в тени стеллажа с реагентами и обратно, а Белла успела отморозить кончик носа. Наконец снежинка в руках Селесты издала тихий, похожий на хруст битого стекла звук, и рассыпалась облаком пара.

Селеста выдохнула, и в воздухе перед ней повисло облачко. Она тряхнула кистями, сбрасывая напряжение, и только тогда повернула голову в их сторону. Ее глаза были бледно-голубыми, почти прозрачными, как ледниковая вода.

— Я знала, что вы придете, — сказала она. Ее голос был ровным и глубоким, без малейшего намека на дрожь, несмотря на мороз. — Деканат поставил мне прогул за то, что я не явилась на утреннюю переключку. Я сказала им, что отрабатывала стабилизацию плазмы. Они поверили. Деканат боится меня больше, чем я боюсь исключения.

— Мы не от деканата, — Белла шагнула вперед, потирая плечи. — Селеста, нам нужен крио-аналитик. Нам нужно увидеть то, что не оставляет следов в видимом спектре.

Селеста медленно сняла защитные очки. Она посмотрела на Беллу, затем на Артёма. Ее взгляд задержался на тени мага, которая, казалось, впитывала холод лаборатории, становясь еще гуще, еще чернее.

— Проект «Аврора», — Селеста не спрашивала. Она констатировала. — Воронин собирает команду самоубийц. Я видела приказ о вашем переводе. «Внекатегорийные угрозы». Звучит как помойка, куда скидывают все, что слишком опасно, чтобы изучать, но слишком ценно, чтобы уничтожить.

— Ты с нами? — прямо спросил Артём, выходя из тени. От его присутствия иней на полу пошел трещинами.

Селеста задумчиво посмотрела на свои руки.

— Зачем мне это? — она пожала плечами. — У меня грант от Триады. Меня ждет карьера в корпорации «Крионикс». Я буду проектировать системы охлаждения для орбитальных станций. А вы предлагаете мне лезть в Нижний Архив, где фонит древняя магия, способная превратить мою кровь в стекло за секунду.

— Потому что если «Аврора» вырвется, — тихо сказала Белла, — орбитальных станций не останется. Как и корпорации «Крионикс». Как и всей планеты. Селеста, мы видели саркофаг. Печать истончается. Там, внизу, сидит нечто, что пожирает саму реальность. И единственный способ это остановить — собрать всех, кто умеет смотреть на мир иначе.

Селеста долго молчала. В лаборатории стояла такая тишина, что было слышно, как оседает иней на стенах.

— Хорошо, — наконец произнесла она. Она встала, одним движением застегнула халат. — Но я не буду лезть в ваши пыльные подвалы. Если там есть тепловой след, я его увижу. Если есть остаточная магия, она изменит плотность льда. Я работаю дистанционно. Мои условия: доступ к главному серверу климатических данных академии и неограниченный запас изотопа гелия-3. И держитесь от меня на расстоянии трех метров. Ваша тень, Артём, слишком горячая. Она нарушает мой термальный баланс.

Артём усмехнулся, и от этой усмешки по стенам пробежала легкая изморозь.

— Договорились.

Найти Рейвена было сложнее. Он не числился в списках студентов. Официально он был «вольнослушателем», прикрепленным к кафедре некромантии, хотя некромантией там и не пахло. Рейвен пах озоном, старой бумагой и паранойей.

Его «лабораторией» была заброшенная колокольня на самой вершине Северной башни. Здесь гулял ветер, пахло птичьим пометом и запустением. Рейвен сидел на каменном полу, скрестив ноги. Вокруг него в воздухе медленно вращались сгустки первозданной тьмы — не той, структурированной и послушной, которой владел Артём, а густой, маслянистой, древней субстанции, которая существовала еще до того, как появились звезды, чтобы ее отбрасывать.

Рейвен был худым, почти истощенным. Длинные волосы цвета воронова крыла скрывали половину лица, но Белла видела его глаза — желтые, как у хищной птицы, с вертикальными зрачками. Он моргнул, и на мгновение его зрачки стали нормальными, человеческими, а потом снова вытянулись.

— Вы светитесь, — сказал он вместо приветствия, когда Артём и Белла выбрались на смотровую площадку. — Особенно ты, — он ткнул пальцем в Беллу. — Иллюзия. Ты пытаешься казаться обычной, но под ней слой на слой намотано вранье. Даже себе.

— Мы пришли поговорить о Нижнем Архиве, — Артём остался стоять в тени каменной кладки. Его собственная тьма настороженно потянулась к тьме Рейвена, словно две собаки, обнюхивающие друг друга.

Рейвен фыркнул. Один из сгустков мрака вокруг него дернулся и принял форму оскаленной пасти.

— Я знаю. Весь кампус гудит. Четверка идиотов решила поиграть в спасителей мира. Воронин совсем отчаялся, раз спустил вас с цепи. Зачем я вам? Я не боевик. Я не аналитик. Я — дефект. Побочный продукт неудачного ритуала.

— Ты — маг первородной тьмы, — возразил Артём. — Ты чувствуешь энтропию. Ты видишь, где реальность начинает гнить.

— Я вижу, где она уже сгнила, — Рейвен поднял голову. Ветер трепал его волосы. — Я чувствую вас. Всех. Ледяная леди излучает абсолютный порядок. Светлая — слепящую боль. Иллюзионист-металлист... — он посмотрел на Кириана, который материализовался из воздуха, используя «Сердце Бури» как точку перехода, — ...он как открытая рана, из которой

хлещет энергия. А вы... — его желтые глаза впились в Артёма. — Ты — пустота, которая очень хочет казаться человеком. Зачем мне вставать в ряд с такими... яркими персонажами?

— Потому что дверь, которую мы нашли, — Белла решила зайти с козырей, — заперта на замок, который работает на стыке света, тени и математики. И мы думаем, что ты — единственный, кто сможет почувствовать, когда этот замок начнут взламывать снаружи.

Рейвен замолчал. Он протянул руку, и один из сгустков тьмы перетек к нему на ладонь, превратившись в маленького, бархатного паука. Рейвен погладил его пальцем по спине.

— Дверь, — повторил он. — Я чувствую ее. Даже отсюда. Она пахнет... страхом. И расчетом. Тот, кто ее запирает, очень не хотел, чтобы то, что внутри, вышло. Но он оставил щелку. Очень тонкую. Для воздуха. Или для тех, кто умеет слушать.

— Ты с нами? — спросил Артём.

Рейвен посмотрел на него в упор. Две бездны встретились взглядами.

— Я не работаю в команде, — сказал Рейвен. — Команды требуют доверия. Доверие — это уязвимость. Я могу быть вашим... датчиком раннего обнаружения. Я буду слушать. Но если внизу пахнет жареным, я уйду. Я не герой.

— Нам не нужны герои, — подал голос Кириан. Он стоял, прислонившись к зубцу башни, и крутил в пальцах свой кристалл. — Нам нужен нюхач. Условие: ты не лезешь в центр событий. Ты держишь периметр. И ты ешь за наш счет в столовой, потому что ты похож на скелет, а мне не улыбается перспектива, что мой датчик обнаружения упадет в обморок от голода в самый ответственный момент.

Рейвен посмотрел на Кириана, потом на протянутую руку Артёма. Он медленно, неохотно вложил в нее свою узкую, ледяную ладонь.

— Еда, — уточнил Рейвен. — И тишина. Не лезьте в мои мысли.

— Заметано, — Артём сжал его руку.

В ту же секунду тьма Рейвена и тень Артёма столкнулись. Это не было битвой. Это был короткий, резкий разряд, как от статики. Воздух между ними затрещал. Рейвен отдернул руку, тряся пальцами. Его зрачки на секунду стали абсолютно круглыми, человеческими, а в глазах мелькнуло удивление.

— Твоя тень... — начал он.

— Не первородная, — закончил за него Артём. — Я ее сделал сам. Собрал по кусочкам из чужих кошмаров.

— Грязная работа, — Рейвен облизнул пересохшие губы. — Но эффективная.

Их первый полноценный сбор состоялся в старой котельной под спортзалом. Место выбрала Элара — здесь было много труб, металла и слепых зон для наблюдателей ректората.

Теперь их было шестеро. Белла — мозг, иллюзии, пространственное чутье. Артём — нож, разведка, проникновение. Кириан — тяжелая артиллерия, взлом магических матриц. Элара — диагностика, свет, выявление скрытых структур. Селеста — термальный анализ, физика, холодная логика. Рейвен — энтропийный сканер, интуиция, защита от темных искусств.

Они сидели на трубах отопления, которые давали хоть какое-то тепло в промозглом помещении. Кириан проецировал в центр комнаты трехмерную схему Нижнего Архива.

— Итак, — Кириан запустил руку в голограмму, увеличивая изображение саркофага. — Мы знаем, что Икс — кто-то из академии. У него есть доступ к теории «Авроры». И он знает, что мы идем.

— Он знает, что мы собрали этот цирк, — проворчал Рейвен, сидя на корточках в самом темном углу. Его глаза светились в полумраке. — Я чувствую запах его внимания. Он смотрит на нас прямо сейчас. Не глазами. Он слушает эхо наших действий.

— Если он слушает, пусть слушает это, — Селеста щелкнула пальцами. На кончике ее пальца вырос ледяной шип. Она бросила его в стену. Шип вонзился в бетон и мгновенно

расширился, покрывая стену сложным узором изморози. — Я проверила стены. Здесь чисто. Воронин любит тепло, а мои кристаллы не любят, когда их подслушивают тепловыми датчиками.

— Что у нас по печати? — Артём повернулся к Эларе.

Элара стояла, закрыв глаза. Ее руки были подняты на уровень груди, ладонями друг к другу. Между ними висел сгусток золотого света, внутри которого переливались тонкие, как паутина, нити.

— Печать «Авроры» — это не замок, — ее голос звучал отстраненно, словно она говорила во сне. — Это клетка из живого света. Она питается от лей-линий академии. Но в ней есть... инородное тело. Что-то маленькое. Металлическое. Оно вплетено в саму структуру заклинания. Как заноза в пальце. И эта заноза гниет. Она отравляет свет, заставляя его истончаться.

— Математика, — Селеста подалась вперед. — Если заноза металлическая и она меняет свойства поля... Белла, твой компас.

Белла достала из кармана латунный кругляш. Стрелка внутри него бешено вращалась, реагируя на скопление магов.

— Элара, — Белла протянула компас светлой магине. — Попробуй подсветить структуру. Селеста, будь готова ловить эхо.

Элара кивнула. Она накрыла компас одной ладонью. Золотой свет потек по латуни, проникая внутрь, не разрушая металл, а лишь делая его прозрачным для взгляда.

— Смотри, — Элара повернула ладонь к Селесте.

Селеста не коснулась компаса. Она просто вытянула руку над ним, и воздух вокруг ее пальцев резко похолодел. Дыхание всех присутствующих превратилось в пар.

— Металл поет, — прошептала Селеста, закрывая глаза. — Частота... 432 Герца. Но она модулирована. Сверху наложен еще один слой. Инфразвук. Очень глубокий. Это не просто ключ. Это... камертон. Он не открывает. Он настраивает.

— Настраивает на что? — спросил Кириан.

— На резонанс, — Селеста открыла глаза. Изморозь на ее ресницах таяла, стекая слезами. — Печать «Авроры» — это струна. Натянутая до предела. Если ударить по ней в правильной тональности, она лопнет. Если ударить в противофазе — она зазвучит чисто и станет прочнее. Этот камертон... он создан, чтобы резонировать с разрушением.

— Значит, Икс не просто хочет освободить «Аврору», — Белла забрала компас, ее пальцы дрожали. — Он хочет сыграть на нем реквием.

— Он уже играет, — голос Рейвена из темного угла заставил всех вздрогнуть. — Я чувствую, как меняется фон. В академии есть еще один слой. Зеркальный. Кто-то создал дубликат наших потоков. Мы думаем, что ходим по полу, а на самом деле мы идем по стеклу над пропастью.

— Дубликат? — Кириан нахмурился. — Для этого нужен доступ к геомантическому ядру. Оно находится на минус пятом уровне. Туда даже ректор заходит раз в год с тремя допусками.

— Или нужно просто быть тем, кто это ядро проектировал, — тихо сказал Артём.

Все посмотрели на него.

— О чем ты? — спросила Белла.

— О моем отце, — Артём потер переносицу. — Герцоге ди Фальконе. Он был не просто аристократом. Он входил в Совет Основателей. Геомантическое ядро академии — это его работа. Он вплел в фундамент замка фамильную магию. Тень, которая помнит форму.

— Ты хочешь сказать, — медленно произнес Кириан, — что твой отец оставил в фундаменте академии бэкдор? Слепок своего восприятия?

— Не слепок, — Артём посмотрел на свои руки. — Ключ. Кровная привязка. Любой, в ком течет кровь ди Фальконе, может видеть архитектуру академии не как камень, а как код.

В котельной стало очень тихо. Было слышно только гудение труб и тяжелое дыхание Рейвена.

— Сергей ди Фальконе, — произнесла Элара. — Граф. Тот самый, из твоих историй, Белла. Который строил замки и воевал с демонами.

— Это не истории, — Белла посмотрела на Артёма. — Это то, что ты мне рассказывал. Твоя... память? Или иллюзия?

— Я не знаю, — голос Артёма стал хриплым. — Я помню замок. Помню Бланш. Помню Амалию. Но я не помню, как попал в этот мир. Я очнулся в приюте десять лет назад с выжженной памятью. А потом пришла Тень. И предложила сделку.

Рейвен внезапно встал. Его желтые глаза впились в Артёма с хищным, болезненным интересом.

— Выжженная память... — протянул он. — И первородная тьма, которая пришла сама. Артём, посмотри на меня.

Артём поднял голову.

Рейвен шагнул в круг света от золотого шара Элара. Его лицо, обычно скрытое тенью и волосами, оказалось в фокусе. Белла замерла.

Линии скул, форма подбородка, надбровные дуги — в них было неуловимое, пугающее сходство с голограммами, которые Белла видела в семейном архиве ди Фальконе.

— Ты говорил, что твоя тень собрана из кошмаров, — Рейвен медленно поднял руку и коснулся своего лица, словно проверяя его реальность. — А что, если она не собрана? Что, если она... вернулась?

— Ты о чем? — напрягся Кириан.

— О проклятии крови, — Рейвен опустил руку. — Первородная тьма не дается просто так. Ее нельзя «собрать». Она приходит только туда, где вырвана душа. Артём, твоя память не выжжена. Она украдена. Вместе с телом.

Артём побледнел. Его и без того серая кожа стала почти пепельной. Тень за его спиной вздыбилась, заполнив собой все пространство котельной, сгустившись в плотный, шевелящийся мрак.

— Это бред, — прошипел Артём. Его голос стал звучать в двух октавах одновременно — его собственный и еще один, низкий, вибрирующий. — Я — это я.

— Ты — пустая оболочка, — тихо сказал Рейвен. — И в эту пустоту заехала тьма. Ты не маг тени, Артём. Ты — могила, в которой лежит настоящий Артём ди Фальконе. А та сущность, которую ты называешь Тенью... она просто спит на пассажирском сиденье. Но она просыпается. Я чувствую ее голод. Она хочет не просто защитить тебя. Она хочет *стать* тобой.

Тьма в котельной сгустилась настолько, что стало трудно дышать. Золотой свет Элара затрепал, борясь с натиском. Ледяные узоры Селесты на стенах начали покрываться черной копотью.

Белла вскочила.

— Хватит! — крикнула она, выбрасывая руки вперед.

Она не стала плести сложную иллюзию. Она сделала то, что умела лучше всего — ударила по восприятию.

Она создала абсолютную тишину.

Звук исчез. Не стал тише, а просто перестал существовать. Гул труб, дыхание магов, треск света — все это вырезали из реальности.

В абсолютной тишине иллюзии начали распадаться.

Тень Артёма, лишенная звукового якоря, дрогнула и опала к его ногам, снова став просто отсутствием света. Черная копоть на льду Селесты исчезла.

Белла стояла, тяжело дыша. По виску текла капля потора. Использование иллюзий без очков, на голой силе, выжигало нейроны.

— Никто, — сказала она в звенящей тишине, восстанавливая звук. Слово прозвучало слишком громко. — Никто не будет лезть друг другу в душу. У нас есть враг снаружи. Тот, кто прислал Ваню. Тот, кто взламывает печать. А кто из нас чей предок — разберемся, когда «Аврора» будет спать.

Она посмотрела на Артёма. Он стоял, вцепившись руками в край трубы, на которой сидел. Его плечи дрожали. Он поднял на нее глаза, и в них плескался чистый, незамутненный ужас. Ужас человека, который посмотрел в зеркало и не увидел там своего отражения.

— Белла права, — голос Кириана прозвучал напряженно, но твердо. Он подошел к Артёму и хлопнул его по плечу. — Сейчас не время для сеансов психоанализа. У нас есть Икс. И у нас есть заноза в печати.

— Которую нужно найти, — Селеста вернулась к своему анализу, ее голос снова стал ровным и холодным, как арктическая ночь. — Если это камертон, он должен где-то резонировать. Я могу построить карту акустических аномалий академии. Но мне нужны данные со всех сейсмодатчиков.

— Я достану, — Артём выпрямился. Он провел рукой по лицу, стирая испарину. Его голос снова стал нормальным, но в нем появилась новая, стальная нота. — Если я — ключ к геомантии, я им воспользуюсь.

— Я пойду с тобой, — неожиданно сказал Рейвен. — Если там, в фундаменте, есть первородная тьма, я должен ее увидеть. И если твоя... пассажирка решит выйти на прогулку, я буду рядом, чтобы ее встретить.

Артём долго смотрел на Рейвена. Затем медленно кивнул.

— Хорошо.

— А я, — Элара закрыла свой золотой свет, погрузив котельную в полумрак, разгоняемый лишь тусклой лампочкой под потолком, — пойду в библиотеку. Мне нужно найти записи о первых днях строительства академии. Если Икс меняет архитектуру, он должен был оставить следы в чертежах.

— Я взломаю сервер климат-контроля, — Селеста начала собирать свои вещи. — Мне нужны тепловые карты.

— А я, — Кириан подбросил на ладони «Сердце Бури», и кристалл отозвался низким гудением, — пойду в столовую. Кто-то должен поддерживать моральный дух. И запасы сахара.

Белла обвела взглядом их лица. Ледяная принцесса, слепой ангел смерти, параноидальный некрофил, ходячая черная дыра, гениальный псих с нестабильным реактором и она — девчонка, которая умеет очень убедительно врать.

— Собираемся здесь через четыре часа, — сказала она. — С данными. И без истерик.

Когда они начали расходиться, используя свои любимые пути — тени, вспышки света, просто растворяясь в воздухе, — Белла осталась одна. Она подошла к стене, где еще недавно Селеста рисовала иней.

На бетоне, там, где лед соприкасался с теплом трубы, образовался конденсат. Капли воды стекали вниз, складываясь в буквы.

Белла присмотрелась. Это была не вода. Это была кровь.

«Я знаю, что ты сделала, Бэлочка».

Надпись была свежей. Она появилась только что.

Белла отшатнулась от стены, врезавшись спиной в трубы. Она оглядела котельную. Пусто.

Она посмотрела на свои руки. Они были чисты.

— Первое правило детектива, — прошептала она в гулкую пустоту, и ее голос сорвался. — Никогда не думай, что ты самая умная в комнате.

Она сорвалась с места, выбегая из котельной. Ей нужно было в медпункт. И нужно было срочно проверить, не начали ли ее собственные иллюзии жить своей жизнью. Потому что если Икс смог оставить послание в закрытой котельной, о которой знали только шестеро, значит, один из этих шестерых — не тот, за кого себя выдает. Или, что еще хуже, они с самого начала были в одной лодке с врагом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.